

АННА ДЖЕЙН

Тюкдониик

CLEVER
•издательство•

*Елене Полегенько,
которая с самого начала рядом.*

CARITAS OMNIA CREDIT.

Любовь всему верит.

ПРОЛОГ

БОЛЬ

НОЧЬЮ НА КРЫШЕ был только один хозяин — северный ветер. Он дул так, что, казалось, замерзают даже кости. Пронизывал насквозь и нес с собой гнев и тоску — в каждом своем порыве.

С ненавистью бил в спину высокого парня, стоящего с телефоном в руках на самом краю крыши. Трепал его темные волосы. Пробирался под одежду и пытался столкнуть вниз — раз за разом, несмотря на молчаливое осуждение стелющихся звезд, рассыпавшихся по темному небу.

Но парню не было дела до ветра и холода. Он не замечал звезд и не слышал сумасшедшего стука собственного сердца. *В самом конце* ничего этого не замечают. Глядя на пылающий огнями осенний город, он записывал голосовое сообщение на телефон, почти касаясь его корпуса потрескавшимися губами.

— Это последний раз, когда ты меня услышишь, и я хочу, чтобы ты не сохраняла эту запись, а сразу удалила ее. Вторая моя просьба — запомни мой голос и мои слова. Запомни меня таким, каким я был в наши лучшие моменты.

Он судорожно вздохнул, замолчал на несколько секунд и хрипло продолжил:

— Знаешь, я ведь никогда не верил в любовь. Это казалось мне полным бредом. Так, выдумка для идиотов, которым не во что верить. Я был уверен, что

любовь — это эгоизм. Что люди считают, будто влюблены, всего лишь находя в других то, что им нравится, или то, чего им не хватает. Я точно знал — мы любим себя и свое отражение в тех, кого выбираем. А любовь... То, что называют любовью, — всего лишь химическая реакция мозга. Если бы еще полгода назад кто-то сказал мне, что я влюблюсь, я бы решил, что этот человек не в себе. Но когда я встретил тебя, все изменилось. Как это произошло? За одно мгновение, за несколько дней или месяц? Не знаю. Правда не знаю. Когда я увидел тебя впервые — помнишь, на дне рождения друга? — то понял: что-то в ней есть. А потом подумал: «В ней есть все, что я искал раньше. И нет ничего из того, что мне бы не нравилось...» Знаешь, чувствую себя как на исповеди, хотя никогда там не был. Хочется закурить, но ничего с собой нет — ты же просила бросить.

Новый порыв ветра с такой силой толкнул его в спину, что он остушился. Но это его совсем не испугало — страха теперь не было. Его перемололо в муку из усталости и сожалений. Осталось лишь развеять ее по ветру.

— Что это? Страсть? Привычка? Зависимость? Я долго не мог понять, что чувствую к тебе, — продолжал стоящий на краю крыши парень. — Понял, что это любовь, в тот вечер, когда заснул, а ты накрыла меня одеялом, села рядом и положила голову мне на плечо. Ты думала, что я сплю, но я всего лишь закрыл глаза. А когда заснула ты, взял тебя на руки и унес в спальню. Ты спала, а я сидел рядом и наблюдал за тобой. Во сне ты особенно красива, Роза. Красива и незащищена. А я слишком сильно тебя люблю, чтобы позволить обидеть.

Должно быть, эту любовь нам подарил дьявол. Я сяду на звездный корабль и отправлюсь к нему, чтобы защитить тебя.

Его темные глаза блестели — наверное, от слез, но голос стал решительным.

— Если делать выбор между мной и тобой, я выберу тебя. Почему? Потому что я люблю тебя. В конце концов, все звезды внутри нас. Твоя звезда сияла ярче других, и я хочу сказать тебе спасибо за это. Кажется... кажется, мой корабль уже подошел. Мне пора. Ни о чем не жалею и будь счастлива за двоих.

Он закончил запись и сунул телефон в карман. Последняя улыбка небу. Короткий выдох. Еще один шаг вперед. Прыжок на парашют.

Вдох.

Маленький шаг вперед. Еще один.

Выдох.

До бездны осталось всего мгновение. Кроссовки выступают за край. В горле сухо. В ту секунду, когда он был готов прыгнуть, пришло новое сообщение.

В самом конце хочется остановиться. Оттягивая момент неизбежности, дрожащей рукой он вытащил второй телефон, обычный.

И увидел то, что все изменило.

* * *

По пустой лестнице изо всех сил бежал парень. Легкие горели, сердце бешено колотилось, мышцы в ногах плавилась и разрывались, но он не останавливался. Нужно было успеть до того, как случится непонравимое. И он бежал, и бежал, и бежал, преодолевая пролет за пролетом.

Когда он, хватая воздух ртом, появился на крыше, на ней уже никого не было. Только откуда-то снизу кричали. Громко. С ужасом. По этому крику он сразу понял, что не успел. Что самое страшное все же произошло. Что это конец.

Парень медленно направился к краю, уже зная, что увидит. С такой высоты все казалось сюрреалистичным, словно нарисованным, — и лежащий внизу человек с неестественно вывернутыми ногами, как у сломанной куклы, и игрушечные люди, испуганно жавшиеся в стороне у фонаря.

Крови видно не было, но он вдруг почувствовал ее медный запах. Он встал на парапет, глядя вниз, точно зная, кто лежит там, на асфальтированном дне бездны. Там, внизу, на мокром асфальте, лежал его брат. Он беззвучно заплакал, как мальчишка, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

Собственный кошмар медленно поглощал его, сантиметр за сантиметром. А ветер хохотал, как безумный, трепля волосы и забираясь под одежду. «Ты следующий, ты следующий!» — выкрикивал ветер. И тогда, чтобы заглушить ветер, парень и сам закричал так, что напряглась каждая жила на его шее. Он звал по имени брата, которого больше не сможет увидеть. Закрывал мокрое от дождя и слез лицо ладонями и просил вернуться. Когда он спрыгнул на кровлю и упал на колени, красивое лицо его исказилось от осознания внезапной потери.

В руке брата была зажата предсмертная записка, которую он нашел. «В моей смерти прошу никого не винить. Мама, папа, брат, простите, я больше так не могу». Он не заметил черную тень, вынырнувшую

из-за коробок. Тень бесшумно скрылась за дверью и понеслась вниз. Потом благополучно покинула высоту и выбежала на улицу. Она долго наблюдала за тем, как вокруг мертвеца собирается толпа, как подъезжает скорая и полиция, как кто-то ведет брата, чье лицо кажется мертвенно-белым.

Сердце тени радостно ухало. Жаль, что нельзя было подойти ближе, чтобы почувствовать запах крови! Но как же красиво все сыграно!..

Кто говорил, что сотворить жизнь — это высшее искусство? Высшее искусство — устроить смерть.

Тень ушла. В ее руках был телефон погибшего. Первый.

А звезды сияли все так же ярко.

QUI VENTUM SEMINAT, TURBINEM METET.

Кто сеет ветер, пожнет бурю.

*Думаешь, что это месть?
И что я достоин презрения?
Тебе стоило это учесть:
Твои слезы — мое вдохновение.*

*Твои слезы — улыбка и смех.
Твои слезы — лекарство от боли.
Я возьму на себя этот грех.
И цветами его от всех скрою.*

ЧАСТЬ 1

СТРАХ

ГЛАВА 1

Я НЕНАВИЖУ ЦВЕТЫ. СМОТРЕТЬ на них не могу. Меня тошнит от их запаха. И мне до безумия надоело ухаживать за ними — менять воду, обрезать стебли, убирать засохшие листья. Но я не в силах перестать это делать. Изю дня в день я ухаживаю за ними, чтобы облегчить им медленную агонию. Мне безумно их жаль. И жалость перебивает ненависть.

Цветы нельзя срывать. Сорванный цветок обречен на мучительную смерть. Иногда мне кажется, что я начинаю их любить — сквозь жалость и ненависть.

* * *

Раннее сентябрьское утро. В квартиру льется нежный янтарный свет солнца. Из приоткрытого окна доносятся звонкие детские голоса и глухой звук мотора. Только пахнет не привычными кофе и тостами — воздух пропитан сладковатым, удушающим ароматом умирающих цветов. В моем доме их несколько сотен. Они всюду. И мне кажется, что я сама пропахла ими.

Я стою у двери и жду, прильнув к глазку. Мне не по себе. Нет, мне страшно. И я не знаю, как побороть этот страх. Не знаю, с кем поделиться им. И не знаю, кто сможет меня понять.

Вместо того чтобы краситься и спешно завтракать, торопливо заряжая телефон и засовывая в рюкзак конспекты, я стою у двери и напряженно смотрю

в глазок, чтобы не пропустить того, кто принесет мне очередной подарок. Мне точно известно, что сегодняшний день не станет исключением из этого двухнедельного правила.

Кухонный нож в руке кажется тяжелым, будто топор.

Каждое утро я получаю цветы от незнакомца. Я нахожу букеты около своей двери, всегда с одной и той же открыткой, на которой изображена красивая девушка, стоящая на краю пропасти. Вот-вот она сорвется и полетит вниз. Ее прекрасные русые волосы развеваются на ветру, глаза закрыты, а руки раскинуты, словно крылья. На ней чудесное платье, будто сотканное из обрывков звездного неба. А еще ей страшно. Она не хочет падать, но ее уже толкнули в спину.

В открытке написано лишь одно слово — мое имя. Ангелина. Цветы мне присылают разные. Кроваво-красные, лавандово-розовые, небесно-синие. Ярко-оранжевые, словно летний закат на море. Молочно-пломбирные, будто белый шоколад. Нежно-фиолетовые, точно разбавленная акварель.

Нежные пионы и страстные розы. Игривые присы и печальные сухоцветы. Изящные хризантемы и жизнерадостные подсолнухи. Тюльпаны, гвоздики, герберы, лилии и снова розы. Розы мне присылали трижды — алые, желтые и черные. Черные розы меня напугали — они выглядели печально и укоризненно, будто предвестники скорой смерти, и я, не сдержавшись, выбросила корзину. Остальные цветы я храню дома до тех пор, пока они не увянут. Вся моя квартира заставлена ими, я словно в оранжерее. Но кто это делает, я не знаю.

Сначала это было невинно и мило. Как в романтической истории, в которой мечтает оказаться любая девушка.

Тем ранним субботним утром я, сонная и растрепанная, услышала звонок в дверь и нашла за ней свой первый букет — охапку белых летних ромашек в крафтовой обертке. Их была целая сотня, и смотрелись они потрясающе.

Сначала я не поняла, кому предназначен букет. Никто и никогда не дарил мне раньше таких цветов! Откуда они могли взяться? Это, должно быть, ошибка! Может быть, они предназначены кому-то другому? Но когда я увидела свое имя и для верности перечитала его несколько раз, то на моем лице появилась недоверчивая улыбка. Это были цветы для меня. Я забрала их и поставила в самую красивую вазу в своей комнате, отгоняя от себя мысль, что, возможно, их принесли для какой-то другой Ангилины.

На следующее утро меня ждал второй букет — пышные оранжево-красные альстромерии в сетке. Я нашла их, когда возвращалась с пробежки. И снова я улыбалась, видя свое имя и пытаясь вдохнуть цветочный аромат, но альстромерии ничем не пахли, будто были стерильными.

На следующий день я снова получила цветы. Настроение было невероятным — казалось, будто у меня появился тайный поклонник, который влюбился в меня с первого взгляда и будет любить до последнего вдоха. Я улыбалась весь день и гадала, кто бы это мог быть. Тот темноволосый парень из параллельной группы? Мальчик в очках из соседнего подъезда, с которым мы

время от времени переглядываемся? Или странный длинноволосый тип, который проводил меня до дома и попросил номер телефона пару дней назад?

Я не знала, кто этот человек, но была уверена, что он замечательный. Плохие люди не будут дарить цветы, верно? И с нетерпением ждала встречи, точно зная, что он мне понравится. Мне не мог не понравиться человек, который знал толк в цветах. Он представлялся возвышенным и романтичным, добрым и смелым. Этаким современный принц. Цветочный лорд, который пойдет на все, чтобы защитить свою прекрасную принцессу.

Я стала называть его Поклонником. Это прозвище придумала моя лучшая и единственная подруга Алиса, которая считала, будто в меня влюблен какой-то невероятный парень. Мы обе представляли Поклонника светловолосым и темноглазым, с обаятельной улыбкой и крепкими плечами, на которые можно было опереться. Но я была слишком наивной. Только глупые люди так опрометчиво верят в иллюзию счастья. Счастье — лучшая наживка, на которую может клюнуть столь доверчивая рыбка, как я.

Я находила цветы у порога каждое утро. Однако Поклонник, явно тратя на них большие деньги, не появлялся. Принца все не было и не было, и сказка, к которой я так тщательно готовилась, все откладывалась. Я фотографировала букеты на зависть всем своим подружкам и знакомым девчонкам и выставляла фото в социальной сети, давая понять своему таинственному поклоннику, что не прочь была бы с ним познакомиться, но дни проходили, а он ничего не давал о себе знать.

Я не сразу поняла, что цветов всегда оказывалось четное количество — их всегда приходило слишком много, а я не пересчитывала. Не то чтобы я была суеверна, но это безумно смущало. Чего хочет Поклонник? Моей смерти? Или это его способ сказать, что он любит меня до гроба? А может быть, надо мной изощренно издеваются? Но кто?

Тогда мне сразу вспомнилась та холодная ноябрьская ночь, которую я уже больше двух лет отчаянно пыталась забыть. Тот человек не мог быть Поклонником.

Романтический настрой постепенно сошел на нет, а душу все больше и больше захватывал непонятный липкий страх. Я жила одна: еще в середине августа мама уехала в Крым к сестре на полтора месяца поправлять здоровье после тяжелого воспаления легких — и во мне проснулся параноик. Я по несколько раз на дню проверяла замок на входной двери — мне казалось, будто кто-то тихо пытается его отпереть. Задернула все шторы, боясь, что в окна кто-то заглянет, хоть и жила на третьем этаже. Старалась не смотреть в зеркала — казалось, что оттуда кто-то наблюдает за мной. С оглядкой ходила по подъезду, а когда посреди ночи неожиданно раздался звонок в дверь, подпрыгнула, чувствуя, как сердце вырывается из груди от страха.

Я стала нервной и дерганой. Вдрагивала от каждого шороха. И возненавидела цветы, которых становилось все больше, и больше, и больше. Ранним утром, на восходе, неизвестный приносил их к моей двери и исчезал, словно тень. А я жила в иррациональном страхе и никому не могла рассказать о происходящем: